

Позвонил мне как-то Георгий Менглет и попросил посмотреть рукопись Кравинского, одного из старейших актеров Москвы. “Женьку я знаю с детства, с Воронежа. Потом вместе в 30-х годах учились в Москве, вместе ходили по театрам. У меня-то было какое-то пальто, а Женька в холода запахивался в “нечто без пуговиц”. Приходим в Художественный и спрашиваем: “Кто играет сегодня — Качалов или Массальский?” Массальский. Уходим. Снобы и знатоки были... Женья помнит поразительно много, рассказчик превосходный и написал, по-моему, здорово. Твоему журналу, думаю, пригодится”.

Моему (в прошлом) журналу — “Театральной жизни” — не при-

ныс. “Прекрасные люди” — говорит Евгений Анатольевич. Вроде, и в камере Бутырок, куда попал молоденький Женья Кравинский сразу после ареста, были “чудесные, интереснейшие, умнейшие люди, цвет интеллигенции”. И где он, остроумец и весельчак, стал любимцем и быстро от “параша” переехал на нары к окну (высшее отличие зека).

После Казахстанской ссылки, которая закончилась день в день с “выдачей срока” — фронтовой театр, Театр Советской Армии, театр Сатиры, 40 лет на эстраде, а теперь театр “Шалом”.

“Мы ездили на Женькин спектакль большой компанией, — сказал Георгий Павлович Менглет, когда я встретила с ним на пре-

ВОСПОМИНАНИЯ актера

годилось, как, впрочем, и многое другое. Сейчас воспоминания Евгения Анатольевича Кравинского — “Кое-что о забытом” — собирается публиковать журнал “Театр”.

Пишет Кравинский маленькие рассказы, новеллы, прелесть которых в силе абсолютной, почти документальной достоверности и дыхания “тех” времен, “того” театра, “тех” людей.

Когда же я попросила Евгения Анатольевича для “ДА” в нескольких словах рассказать о себе, то начал он так:

“Учился в ЦЕТЕГИСе (который потом стал ГИТИС, теперь РАТИ), после третьего курса наш учитель Макс Абрамович Терешкович пригласил меня в театр-студию Ермоловой, три года там работал, в 38-м меня арестовали по 58-й статье, сослали в Казахстан. А вообще-то театр Ермоловой и ГБ — отдельная тема, список арестованных там длиннее, нежели в каком-либо другом театре.”

И Кравинский ушел в сторону от этой “особой темы”. Но и здесь главенствовал театр, так как в Казахстане шли спектакли, где играл он, где были замечательные актеры — ссыльные и воль-

ные театра Сатиры и сказала, что “ДА” хочет напечатать рассказ Кравинского. — Он замечательный артист, очень хороший. И еще он трепач, превосходный трепач”. И здесь в голосе Георгия Павловича, который и сам был не из последних московских “трепачей”, прозвучало явное, не без оттенка зависти, восхищение...

Да, Евгений Анатольевич Кравинский из тех очаровательных, теперь все реже встречающихся театральных “трепачей”, все помнящих, все знающих, что касается театра, его “народа”, которые имеют право сыпать именами, при одном упоминании которых слушатели благоговейно разрезают рты. А как говорил Евгений Анатольевич о женщинах, которых любил! Все они, естественно, были актрисами. И какими! Чего стоит лишь один случай: он выстрелил из пистолета, когда при нем в сердцах разорвали фотографию знаменитой тогда Клавдии Михайловны Половиковой, в которую он был трепетно влюблен.

Тускнеет наш театральный небосклон, скуден он становится без этих одержимых всепоглощающей страстью к сцене мыльных трепачей!

Оксана Корнева

С Алексеем Денисовичем Диким меня познакомил его ученик — артист, а в конце своей недолгой жизни ставший прекрасным писателем, Виктор Драгунский. Было это в сентябре 1941 года. По Москве разнесся слух — появился Дикий. В 1937 году в Ленинграде его арестовали. Был он тогда главным режиссером БДТ. И вот, в такое суровое время — война, немцы рвутся к Москве, столичные театры постепенно эвакуируются в Сибирь, в Среднюю Азию, Москву бомбят. И тут из заключения раньше срока освобождается Дикий и приезжает в Москву. Он поселяется в квартире своих друзей, в Старопименовском переулке. Этот переулок, в свое время, был очень известен в среде театральных деятелей и их читателей. Здесь, в подвале одного из домов, в 30-х годах размещался “Театр-клуб” или, как он назывался в актерском обиходе, “Кружок”. Здесь, в уютном подвале, после окончания спектаклей собирались московские артисты, устраивались очень интересные вечера. Тут можно было встретить всех театральных знаменитостей того вре-

мени. В общем, этот “кружок” был родоначальником нынешних ЦДРИ и ЦДА. Сейчас этот переулок переименован, это уже не переулок, а улица, улица Героя Советского Союза Медведева. Вот на этой улице, в большом сером доме и состоялась моя первая встреча с Алексеем Денисовичем Диким.

Меня поразили его глаза. Голубые или даже бирюзовые, как у ребенка. Он радостно встретил Драгунского. Виктор представил ему меня. Дикий крепко пожал мою руку и, как мне показалось, долго рассматривал мои петлицы. Потом уже, спустя некоторое время, он шутил рассказывал,

что после его злоключений появление в его квартире военного ему не очень понравилось.

Я стал бывать у него, когда мне удавалось получить увольнительные записки от нашего строгого старшины. Мне казалось, что Дикий тоскует (он ждал жену). Хотелось вытащить его “на люди”. Центральный Театр Красной Армии, в команде которого я прослужил первые месяцы войны, очень быстро приготовил спектакль из жизни летчиков, кажется, он назывался “Кры-

ля". Я привел Дикого на общественный просмотр. В театре узнали, что пришел Алексей Денисович. К нему подошли знакомые. Наверно, ему это было приятно. Я испытывал наслаждение, слушая его талантливые, парадоксальные отзывы. Вообще рассказывал он очень ярко и удивительно образно. Помню его воспоминания о МХАТе, а о Станиславском он сказал: "Гениальный фантаст!" Я это хорошо запомнил. Потом много говорили о знаменитой 1-ой студии Художественного театра. Мне всегда это было интересно. Моим первым театральным педагогом был Борис Михайлович Сушкевич, тоже стоявший у истоков создания Первой студии и будущего 2-го МХАТа, но он был человек очень закрытый и никогда ничего об этом не рассказывал (хотя учил нас актерскому делу замечательно). А мы были слишком молоды (нам было по 17-18), чтобы расспрашивать об этом интереснейшем периоде нашего театрального искусства. Но на этот раз мне многое хотелось узнать. Я стал расспрашивать Алексея Денисовича о Михаиле Чехове. К великому сожалению, мне не пришлось увидеть Чехова на сцене, он уехал за год до моего приезда в Москву. Я знал, что у них произошел разрыв и Дикому с группой пришлось даже уйти из 2-го МХАТа, где Михаил Чехов был директором и Художественным руководителем. И вот на мой вопрос, какой был Чехов, действительно ли он был так необыкновенно талантлив? - помню, Дикий посмотрел на меня своими небесными глазами и сказал чрезвычайно просто: "Чехов - это выше Шалапына". И ведь сказал он это о своем однокашнике, причем почти о враге.

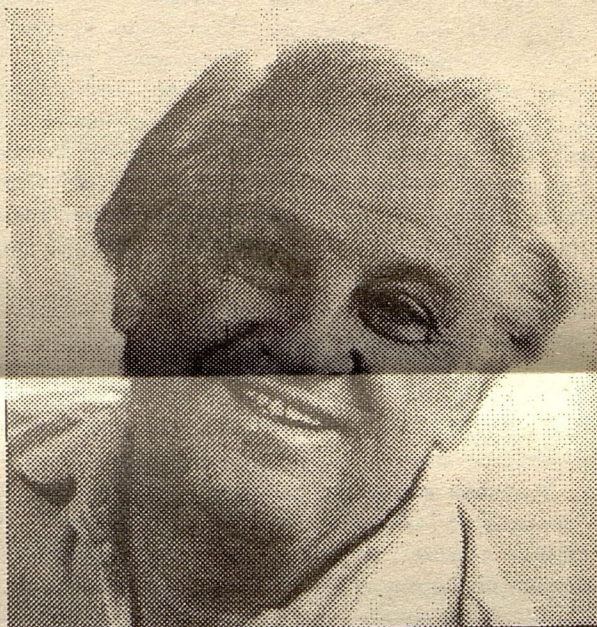
Однажды я у него решил расспросить об истории, произошедшей в спектакле "Мнимый больной" Мольера, шедшем во МХАТе в 1913 году. Эту историю я прочел давно в книге Чехова "Путь актера", изданной в 1928 году. Чехов писал, что в этом спектакле была веселая интермедия докторов, экзаменовавших Мнимого больного - Аргана-Станиславского. Докторов играли молодые актеры. И вот, каждый из этих докторов старался "пересместить" друг друга. Действовали они с безудержной фантазией, придумывали массу трюков. Всем артистам, занятым в спектакле, было очень весело, и они устроили тайный тотализатор - кто вызовет больше смеха. Ставка была 20 копеек. Лидировал Чехов, однажды он придумал заикающегося доктора и на него было поставлено много ставок. Но вот появился Дикий, и началось что-то невероятное. Он собрал все характеристики воедино. Хохотали все - и зрители, и артисты. Но после этого случая актерам начисто запретили эти импровизации. Вот я и стал "тормозить" его память. Дикий задумался, потом заулыбался, потом начал рассказывать.

Это был конец спектакля. На сцене во всю длину стоял стол, за которым лицом в зрительный зал сидела почти вся труппа. В центре стола восседал "Мнимый больной" Арган - Станиславский. Появлялись доктора, и начиналась веселая интермедия - экзамен Аргана. (Я даже запомнил кусочек финальной фразы из небольшого монолога-куплета, который мне прочитал Дикий: "Как недуг свой излечить?"). При этом у каждого, действительно, была смешная характеристика - кто-то без конца чихал, кто-то хромал, кто-то заикался, кто-то шепелявил. Дикий говорил, что все эти молодые артисты, его друзья, были ярчайшими индивидуальностями, не говоря уже о Чехове, фантазии которого не было предела. Затем был необыкновенно смешной и трогательный Колин. Кстати, Колина я видел в 30-х годах во французском фильме "Кин, или Гений и беспутство". Причем главную роль - Кина играл тоже русский киноактер Иван Мозжухин. Это было давно, почти 60 лет тому назад, но я помню эту картину и помню

Колина. Он играл друга и суфлера великого английского трагика и был трогателен до слез.

Потом Дикий с восторгом говорил о Павлове, сравнивал его с Тархановым. Дикий очень сожалел, что эти удивительные артисты, истинно русские, остались за границей.

Он продолжил свой рассказ о спектакле "Мнимый больной". Оказывается, он давно задумал всех перехитрить - собрать все характеристики и сыграть все одним махом. В этот день он подошел к своему другу, сотруднику МХАТа С.Юдину, который впоследствии стал известнейшим хирургом в стране, и попросил поставить на него 20 копеек. Юдин пришел в ужас. Это был последний двугривенный, и, если его не станет, то после спектакля не на что будет выпить. (Прошу простить мне эту подробность, но именно так и сказал Дикий). Алексей Денисович настоятельно требовал поставить на него. В этот раз все ставки были на Чехова. В общем, после длительных уговоров на Дикого была поставлена одна желтая двадцатикопеечная монета. Нача-

лась интермедия. Все шло как всегда, доктора смешили, зал веселился, актеры, сидящие за столом, внимательно подсчитывали количество смеховых реакций. Но когда вступил в дело Дикий, то началось что-то невообразимое. Он рассказывал и сам смеялся, он чихал, заикался, хромал, шепелявил. Хохотал зал, хохотал стол! Только один Станиславский продолжал действовать, ни на что не обращая внимания. Спектакль кончился. Хохот сотрясал весь театр. И вдруг Дикого вызывает Станиславский. Затряслись поджилки, все стихло. Еле живой Дикий постучался в гримуборную Станиславского, ожидая страшного разноса. Тот это делал грозно! Но когда Дикий появился на пороге еще в гриме этого докторишки, то тут не сдержался сам Станиславский и расхохотался так безудержно, как умел только этот великий человек. Дикий выбежал из уборной Станиславского, а его уже ждал товарищ, Сергей Сергеевич Юдин, с огромным выигрышем. Вот и вся история, заключил свой рассказ Алексей Денисович.

А когда вышел двухтомник воспоминаний Михаила Чехова, куда вошла и книга "Путь актера", я с наслаждением прочел вновь историю со спектаклем "Мнимый больной" и вспомнил Дикого, мое с ним знакомство в 1941 году.

Евгений Кравинский